

На войне с Понтиаком, или Тотем Медведя

Повесть о
краснокожих и
красных мундирах

12+

Керк Монро

Керк Монро

**На войне с Понтиаком, или
Тотем медведя. Повесть о
краснокожих и красных мундирах**

«Автор»

1895

Монро К.

На войне с Понтиаком, или Тотем медведя. Повесть о краснокожих и красных мундирах / К. Монро — «Автор», 1895

Английский офицер, получивший землю для поместья в Америке, спасает молодого индейца, которого преследуют враги из другого племени. Годы спустя молодой индеец становится великим вождем и поднимает свое племя на борьбу с белыми захватчиками, но не забывает того, кто спас ему жизнь.

© Монро К., 1895

© Автор, 1895

Керк Монро

На войне с Понтиаком, или Тотем медведя. Повесть о краснокожих и красных мундирах

ГЛАВА

I

ДОМ ТАУТРИ

Заканчивался прекрасный день середины лета; жара спадала; высокие деревья, листья которых шелестели под прохладным ветерком приближавшейся ночи, бросали дрожащую тень на поверхность Лох Мег, и вся природа пребывала в покое. Маленькое озеро, носившее имя из Старого света, находилось в Новом свете, и было одним из множества лесных украшений, покрывавших земли западной части штата Нью-Йорк полтора века назад. Оно принадлежало в соответствии с патентом, выданным английским королем, его верному слуге, Грэму Хистеру, чья храбрость и раны, полученные в боях, сделали его майором Хайлендского полка, когда ему не было еще и сорока лет. Будучи столь щедро вознагражден, майор Хистер со своей молодой женой и полудюжиной верных последователей оставил Старый свет ради Нового и поселился в его глуши. Хотя сначала майор был несколько смущен тем обстоятельством, что ближайший белый сосед находился от него на расстоянии в несколько лиг, одновременно он доволен был тем, что соседом этим оказался его старый друг и товарищ, Уильям Джонсон, благодаря дипломатическим способностям которого сильный союз ирокезов, Шесть Народов, стал союзником англичан и жил с ними в мире.

На возвышенности, откуда начинался плавный спуск к озеру, которое майор Хистер назвал в честь своей жены, он поставил солидный блокгауз из обтесанных сосновых стволов. За ним по трем внутренним сторонам стояли бревенчатые строения, а в центре был выкопан глубокий колодец. Таким образом, приготовившись к войне еще в мирное время, собственник начал обживать свои владения с таким успехом, что в течение трех лет с тех пор, как было срублено первое дерево, несколько акров угрюмого леса превратились в прекрасные поля. Подрастал молодой сад, небольшое стадо паслось на берегу озера, и во всем видны были признаки процветания и благополучия.

Военные привычки хозяина заставили его вырубить все деревья на большом пространстве вокруг грубой крепости, защищавшей сокровища его жизни, но рядом с входом он оставил два могучих дуба. Они не только давали благодетельную тень, но и сразу стали признаком, по которому называли это место жившие рядом индейцы. Поскольку они всегда называли его «домом с двумя деревьями», скоро это название превратилось в «Дом Таутри¹», под которым и стало известно от пресных морей до чистых вод далекого Шаттемук.

Дом Таутри не только охотно предлагал гостеприимство случайным охотникам, торговцам или путешественникам, которых дела или любопытство влекли в эту дикую местность, но и индейцам, которые все еще во множестве населяли эти леса и даже основали одно из своих селений недалеко от него. С ними, имея возможность убедиться в их верности слову и абсолютной честности, майор Хистер имел дружеские отношения, несмотря на их недовольство тем, что он поселился на их земле. В то же время и жена его благодаря своей доброте и готовности помочь больным и оказавшимся в трудной ситуации вызывала у них чувство глубокого уважения.

Хотя ирокезы были в мире со своими английскими соседями, долгая вражда не утихла между ними и французскими поселенцами из Канады – на протяжении жизни поколений продолжались столкновения между ними и племенами, жившими вдоль реки Святого Лаврентия и по берегам Великих озер. Самыми заметными из них были оттава, гуроны, или виандоты, оджибве и поттаватоми, которые объединились в союз против своих сильных врагов. Застарелая ненависть ирокезов, возвращенная многими поколениями, подогревалась иезуитскими священниками, желавшими торжества своей веры, французскими торговцами, желавшими монополизировать все выгоды торговли с новым светом, и французскими солдатами, стремившимися любой ценой расширить владения своего короля. Так что, под тем или иным предлогом там постоянно проходили военные отряды, которые наносили поражения и сами их терпели, и все это заставляло всех, рискнувших поселиться на границе, жить за стенами из толстых брусьев.

В этих условиях и в этих обстоятельствах в 1743 году, когда дои Таутри еще пах смолой, сочившейся из пор недавно срубленных стволов, родился Дональд Хистер – такой же крепкий парень, как любой американец в то время, и герой этой повести.

В тот вечер в середине лета, с которого начался наш рассказ, майор Хистер и его супруга вышли, рука об руку, за палисад, огораживавший их укрепленное жилище, наслаждающейся прекрасными видами окружающей природы и разговаривая о том о сем. Этот дом в дикой местности был им очень дорог, потому что долгие годы перенесенных ими трудов и лишений, теперь принесли свои плоды и были наследием их мальчика, которому было сейчас два года от роду, и который сейчас был у них за спиной под присмотром краснощекой шотландской няньки. Наслаждаясь тем, что их окружало, они строили планы на будущее и обсуждали детали предстоящих многочисленных улучшений. На заливе озера должна была быть построена мукомольная мельница, а низину следовало осушить, чтобы расширить пастбище для увеличивавшегося стада.

Пока они говорили об этом, из глубины леса послышался звук, который заставил их остановиться и прислушаться. Вечерний ветер донес до них звук выстрелов, и, похоже, они сопровождалась криками, вырывавшимися из человеческих глоток.

– О Грэм! Что это значит? – воскликнули миссис Хистер, сжав руку мужа и инстинктивно оглянувшись, чтобы убедиться в том, что дитя ее в безопасности.

– Ничего, что могло бы тебя встревожить, дорогая, – спокойно ответил майор. – Просто у наших друзей-индейцев какой-то праздник – военный танец, или танец скальпа, или они обсуждают печальную судьбу своих новых пленников, или что-то еще в таком роде. Я помню, что больше недели назад Трумэн говорил о том, что в поход вышел еще один военный отряд. Я все же хотел бы, чтобы эти сенека перенесли свой поселок подальше. Мне всегда казалось, что пять миль – дистанция достаточная, но сейчас...

– Я бы хотела, чтобы это ужасное сражение закончилось, – перебила его миссис Хистер. – Придет ли время, Грэм, когда эти несчастные язычники прекратят свои ужасные войны и будут жить в мире, как цивилизованные создания?

– Как цивилизованные создания, дорогая моя? – улыбнулся майор Хистер. – Да, я могу совершенно определенно сказать, что, если настанет время, когда эти народы, которые мы называем цивилизованными, прекратят воевать, то даже краснокожие индейцы могут последовать их примеру. Что же до их методов ведения войны, то они всего лишь следуют практике, какой пользовались их предки на протяжении столетий; что же до обращения с пленниками, то они всего лишь делают то же, что делали цивилизованные римляне, средневековые рыцари и святая инквизиция. Не так уж давно в Англии, в Тибурне, была заживо сожжена Элизабет Гаунт за призывы к милосердию и предоставление убежища политическим противникам; крики тех, кто взывал к милосердию на поле Смитфилда², тоже пока на забыты. Расправа над ведьмами в Новой Англии – совсем недавняя история, а зверские расправы белых над индейцами не пре-

кращаются со времен Колумба. Разве не Фронтенак приказал заживо сжечь воина ирокезов, чтобы запугать его товарищей? Разве...

Честный майор так увлечен был этой темой, что мог бы говорить еще долго, если бы его не прервали самым неожиданным образом.

Он со своей женой шли обратно к дому, и, как и прежде, шотландская служанка с ковыляющим предметом своей заботы была в нескольких шагах позади них. Они обернулись на громкий крик девушки, чтобы увидеть бегущего молодого индейца, выбежавшего из леса и упавшего у ног девушки. Тело его было покрыто ранами, и, судя по всему, он был без сил. Когда он упал, второй индеец, в правой руке которого сверкал смертоносный томагавк, выскочил из лесной тени и с торжествующим криком подскочил к беспомощной жертве. Сразу за ним бежали еще двое.

Пока девушка-шотландка застыла в ужасе, маленький Дональд, решивший, что все это – новая игра, специально для него придуманная, и с радостным лепетом побежал, а потом споткнулся и упал прямо на голову распростертого индейца. Если бы не это, смертоносное лезвие, уже опускавшееся для смертельного удара и вовремя остановленное, уже свершило бы свою кровавую работу.

С криком ужаса миссис Хистер подскочила к своему ребенку; но прежде нее, подскочив, словно пантера, майор Хистер оказался там первым и, схватив ребенка на руки и выпрямившись над телом молодого индейца, встал перед его разъяренными преследователями.

ГЛАВА II

МАЙОР НАХОДИТ ДРУГА И ПРИОБРЕТАЕТ ВРАГА

Несколько секунд три индейца, тяжело дышавшие после долгой погони по лесу, молча смотрели на белого, который, с ребенком на руках, не показывая страха, стоял перед ними. Потом тот, что был впереди, устрашающего вида дикарь по имени Манг (Ныряльщик), презрительным взмахом руки велел майору посторониться, сказал:

– Пусть белый сойдет с тропы Манга, чтобы он смог убить собаку-оттава, который думал избежать мести сенека!

Не стронувшись ни на дюйм, продолжая держать маленького Дональда, который, лопоча, с любопытством смотрел на индейцев, майор Хистер ответил:

– Даже если этого потребует все племя сенека, я не позволю, чтобы этот человек был убит в присутствии моей жены. Раз уж мой сын спас его, я не отдам его в ваши руки, обрекая на мучения. Он искал моей защиты, и он ее получит, пока не докажет, что не заслуживает ее. Пусть сашемы вашего племени пожалуются сэру Уильяму Джонсону. Если белый вождь решит, что этот пленник должен быть выдан, и прикажет это сделать, я выдам его, но не прежде. Ступайте теперь, пока мои молодые люди, которые уже идут сюда, не придут и не прогонят вас ударами плетей, как визжащих собак.

Дикарь, который достаточно хорошо владел английским языком для того, чтобы понять смысл сказанного, хмуро ответил:

– Кто дал право белому вставать между индейцем и индейцем? Эта земля – земля индейцев. Длинный дом, в котором живет белый, принадлежит индейцам, как и стволы деревьев, из которых он построен. Если индейцы скажут тебе оставаться, ты сможешь остаться: если скажут уйти, ты должен будешь уйти. Пусть кто-то из твоих юношей только поднимет руку на Манга, и земля, по которой сейчас ходит белый, больше никогда такой не будет. Его дом станет совиным гнездом, и скво сенека будут убирать урожай с его полей. Отдай Мангу его пленника, и тогда не будет крови между ним и его белым братом.

– Никогда, – ответил майор Хистер, достаточно понимавший язык индейцев, чтобы понять общий смысл сказанного.

Он не успел договорить, как Манг вдруг нагнулся и рванулся вперед, словно змея, собираясь своим отсвечивающим томагавком разбить голову своего все еще распростертого врага.

Словно молния, взлетела правая нога майора; тяжелый, подкованный башмак врезался под подбородок дикаря, так что тот оторвался от земли, а потом рухнул на спину, хастыв, словно мертвый.

Остальные дикари в первый момент рванулись, словно желая отомстить за нападение на своего соплеменника и, как им показалось, его смерть, но их порыв был прерван окликом, раздавшимся а их спиной. Бросив взгляд в том направлении, они увидели направленный на них длинный ствол ружья, которое держал белый, одетый в одежду из кожи, как принято было у тех, кто большую часть времени проводил в лесу. В то же время полдюжины работников, возвращавшихся с поля домой, заметили, что что-то происходит, и поторопились туда. Разумно рассудив, что в данных обстоятельствах благоразумие – лучшая часть доблести, сенеки взяли беспомощное тело своего товарища и, убежав так быстро, как могли со своим грузом, исчезли в лесу в сгущающейся тьме.

Взорам собравшихся предстала такая картина: высокий майор стоял над распростертым телом спасенного беглеца, держа одной рукой улыбающегося ребенка, а его дрожащая жена вцепилась в другую его руку. Рядом с ними стояла на коленях перепуганная девушка, закрывшая ладонями горящее лицо, а в нескольких шагах позади стояла группа работников, вооруженных разными орудиями своего труда. Впереди был Трумэн Флэгг, охотник, белый по рождению, индеец по воспитанию и образу жизни, опиравшийся на ружье и молча наблюдавший за убежавшими дикарями. Когда они исчезли в лесу, он спокойно заметил:

– Это было отлично, майор, и этот мерзавец Манг получил по заслугам. Но если он такой мертвец, каким кажется, то я боюсь, что это втянет вас в неприятности с племенем, хотя он и не сенека по крови и пользуется у них большой любовью.

– Так ты его знаешь? – спросил майор.

– Не сказать так штоб знаю, но кое-что о нем слышал.

– Очень хорошо; пойдем в дом, и ты расскажешь мне, что знаешь, пока мы будем обсуждать это дело. А вы, парни, отнесите этого бедолагу в сарай, там посмотрим, что с ним делать. А теперь, дорогая, нас ждет ужин, и я воздам ему должное с большим удовольствием, оттого, что это происшествие столь счастливо разрешилось.

– Я молю Господа, Грэм, о том, чтобы это происшествие действительно завершилось, – истово ответила миссис Хистер, забрав ребенка из рук мужа и прижав его к груди.

Вся эта драматическая сцена заняла не более пяти минут, и, когда люди приблизились к распростертому индейцу, оказалось, что он пришел в себя и может встать и идти с посторонней помощью.

Убедившись в том, что его жены и ребенок находятся в доме в полной безопасности, майор Хистер счел своим долгом посетить гостя, воспользовавшегося его гостеприимством при столь необычных обстоятельствах, и узнать о его состоянии. Он нашел его лежавшим на соломенной подстилке, поверх которой было наброшено одеяло, и поговорил с ним с помощью Трумэна Флэгга на языке индейца, незнакомом хозяину. Охотник промывал раны индейца так осторожно, что это совершенное не вязалось с его грубым обликом, и время от времени давал ему сделать несколько глотков холодной колодезной воды, которая сейчас была для него лучшим эликсиром жизни.

– Что бы в таком случае сделал? – спросил майор, глядя на Трумэна Флэгга, который одну за другой смазывал многочисленные раны индейца целебной мазью, сделанной из смеси медвежьего жира с ароматной смолой бальзамической ели. – Он выживет, как ты думаешь?

– Благодаря вам, майор, да! Он выживет, и все будет отлично, потому что хотя его раны выглядят плохо, опасности ни одна из них не представляет. Они заживут. Вот от жажды он едва не помер. Сами видите, его чуть ли не весь день пытали, и не давали ни глотка воды с последней его трапезы, а это был кусок соленого мяса накануне вечером. Он быстро будет в порядке. Все что ему сейчас нужно – еда и вода, и хороший сон, и он скоро будет как новенький. Потом он

готов будет снова выйти на тропу войны, если так можно сказать. Это самый храбрый индjun из тех, кого я видел, а я уж на них насмотрелся, всяких видел. Если ему нужно, я останусь с ним на ночь, потому что его племя сейчас далеко. Но храбрость есть храбрость, что у белых, что у краснокожих, и мужчина, который считает себя мужчиной, будет это доказывать, кто бы ни стоял на его пути.

– Убеждение, которое я охотно разделяю, – ответил майор. – Храбрый враг всегда лучше трусливого друга. Но враг ли нам это индеец? К какому племени он принадлежит?

– Оттава, – был лаконичный ответ.

– Оттава! – воскликнул майор, совершенно сбитый с толку. – Но ведь оттава – самые верные союзники французов и самые непримиримые враги англичан. Ты уверен, что он – оттава?

– Абсолютна, – ответил охотник, усмехнувшись в ответ на такой испуг говорившего. – И это не все – но он еще и самый храбрый воин и лучший человек среди всех оттава. Они зовут его Сонга, Сильное Сердце, и я уверен в том, что сэр Уильям был бы рад хоть завтра обменять сотню фунтов королевскими монетами на его скальп.

– Так чего же ты отказался их заработать? – спросил его собеседник. – Ведь легче чем так эти сто фунтов получить не выйдет, а это не та сумма, от которой может отказаться даже такой независимый лесной бродяга, как ты.

Вместо ответа тот выпрямился во весь рост и, взяв в руку свечу, несколько секунд рассматривал собеседника.

– Ты так не думаешь, майор Хистер! Хвала Господу, ты ведь так не думаешь! Твое лицо лучше твоих слов говорит, что ты честный человек, – наконец произнес он. – Если б я решил, что ты вправду готов сделать то, о чем сказал, и принадлежишь к тем мерзавцам, которые готовы убивать ради золота, я никогда больше не сел бы за твой стол, ноги моей не было бы в твоём доме, никогда не посмотрел бы тебе в лицо и никогда не думал бы о тебе иначе, чем как о негодяе, от которого ждать можно только гадостей.

– Нет, Трумэн. Я не думал сделать то, о чем сказал, – ответил майор, пожав охотно протянутую ему руку. – Я сказал так просто из любопытства, чтобы услышать твой ответ, хотя и без того знаю, что характер у тебя из лучшей стали. Теперь я должен вернуться к жене, и если ты присоединишься к нам, когда сделаешь все что нужно для этого бедняги, мы вместе обсудим эту ситуацию, потому что мне кажется, что держать Сонгу из племени оттава пленником в чьем-то доме – не самое хорошее дело.

ГЛАВА

III

ИСТОРИЯ ТРУМЭНА ФЛЭГГА

Трумэн Флэгг был сыном одного из суровых семейств Новой Англии, осваивавших дебри на самом краю цивилизованных земель и отбивавших нападения французов и индейцев, то и дело вторгавшихся из Канады, словно стаи злобных северных волков. Во время одного из таких набегов его родители были убиты, а ребенка забрали с собой, чтобы вырастить его среди кохнауагов⁴, живших у реки Святого Лаврентия недалеко от Монреаля. С этими индейцами он прожил несколько лет, за это время полностью поняв их образ жизни и изучив язык не только этого племени, но и нескольких других северных племен, а также французский. Помимо этого, он так хорошо изучил лес и так совершенно усвоил индейские манеры и привычки, что, когда он снова был захвачен, на сей раз отрядом грабителей из племени макуа, или могауков, никто не признал в нем белого, пока в поселке ирокезов его не раздели, готовя к пытке. Когда его личность была установлена, последний его пленитель смыл с него раскраску кохнауагов, снова раскрасил и одел так, как это принято было у могауков, и относился к нему со всем уважением,

как к сыну племени. Сменив таким образом одну индейскую жизнь на другую, Трумэн Флэгг оставался среди ирокезов достаточно долго для того, чтобы в совершенстве овладеть их языками, и получил имя Хоносагета, что означало человека со многими языками. Наконец он привлек внимание сэра Уильяма Джонсона, став одним из переводчиков генерала и советником по индейским вопросам. Когда же после недолгого знакомства лесного странника с цивилизованной жизнью (таковой в его понятии была жизнь в пограничных поселках, разбросанных вокруг Джонсон Холла в низовьях реки Могаук) ее условности и ограничения стали его тяготить, он с большим удовольствием принял приглашение майора Хистера, который в то время искал опытного проводника и охотника. С тех пор, помимо службы, которая заключалась в передаче посланий между домом Таутри и поселками вдоль реки, он был свободен и мог идти, куда ему вздумается, следя лишь за тем, чтобы его хозяин во всякое время года имел в достатке разнообразную дичь. Это давало ему возможность большую часть времени бродить по лесу, от одного индейского поселка к другому, ведя разговоры на интересующий их темы с членами этого дикарского сообщества, и присматривая своим орлиным глазом за безопасностью обитателей дома Таутри. Человеком он был простодушным, абсолютно честным и добронравным, что давало ему возможность получать все нужные ему сведения, подобно мху, впитывающему всю воду. Хотя сложения он был среднего, мускулы у него были стальные, глаз как у ястреба, а в меткости стрельбы он превосходил всех жителей приграничья, белых или краснокожих. В течение трех лет таких отношений, полезных для обеих, сильная дружба связала сына леса и старого воина, чей военный опыт и отвага на поле битвы были отмечены королем. Теперь же он с нетерпением ждал прихода охотника, чей совет помог бы ему составить план действий в сложившейся ситуации.

Когда Трумэн Флэгг появился и сказал, что его пациент уснул, хорошо поев, майор спросил, что он знает об этом молодом оттава, и услышал следующее:

– Насколько знаю, майор, Манг, тот парень, которого вы так хорошо уложили, джибвей, а Сонга – оттава, сын их верховного вождя или шамана, Митаи, который имеет большое влияние среди озерных племен. Недавно оба они, Сонга и Манг, ухлестывали за одной скво из джибве, про которую говорили, што она самая красивая девица во всем племени. Они из-за нее несколько раз здорово дрались, но выбрала она Сонгу, а другой остался с носом. Наконец Сонга на ней женился и повез ее в селение оттава. Тогда Манг решил им обоим отомстить, но, раз уж джибве и оттава добрые друзья, он присоединился к сенека, чтобы хоть так попробовать разделаться с Сонга. Оказалось, что его тотем – волк, сенеки его считают очень милым, к тому же парнем он оказался смелым и хорошей драки не избегал, так что скоро он стал среди них прославленным воином и в любое время мог собрать отряд для набега на оттава. Много стычек с тех пор произошли при участии Манга, а, если белые в них вмешивались, то это было их дело. При всем своем уме с Сонга он ни разу не встречался, во всяком случае ему это не удавалось до последнего раза, когда он схватил его, его женщину и ребенка, когда те шли из одного селения оттава в другое. Говорят, Сонга был молодцом – сражался так, как до него никто другой, убил полдюжину воинов Манги и удерживал их, пока его женщины с ребенком не смогли убежать. Потом он сдался, и его принесли его к себе. Они подождали, пока он оправится от своих ран, а потом решили убить его, подвергнув самым жестоким пыткам, какие я в жизни видел.

– Не хочешь ли ты сказать, – перебил майор, – что ты наблюдал за тем, как его пытаются, и ничего не сделал, чтобы это предотвратить?

– Канешно, майор. Работа у меня такая – смотреть на это все. А еще моя работа – мир держать, насколько можно, промеж белых и краснокожих, а он сразу рухнет, стоит мне помешать индейцам расправиться с их индейским пленником. Они исполняют свой закон, а я свой.

– Полагаю, ты прав, – согласился майор, – но я рад, что не оказался на твоём месте, и жалею о том, что дикарей только ободрило твое присутствие на их дьявольской оргии.

– Было много случаев, майор, когда я не мог помочь сам себе, – спокойно ответил охотник. – Правда, в тот день мое присутствие их не ободряло, потому что меня они не видели. Для этого я слишком хорошо спрятался. Ну, ладно, чтобы закончить этот рассказ, скажу, что они продолжали его мучить по-всякому, а он ни звука не издал, разве что ругал их и дразнил, и даже бровью не повел. Раз, когда они увидели, что он вот-вот от жажды помрет, то освободили ему руки и дали чашу с холодной родниковой водой, но, едва он поднес ее ко рту, они ее вышибли. Потом они другую чашу поднесли к его рту, но он им удовольствия не доставил – даже не шевельнулся, чтобы хоть глоток сделать.

Наконец они выложили вокруг него круг из сухого дерева и зажгли его. Тут я подумал, что бедняге конец пришел, и мучения его скоро закончатся. Едва я так подумал, как почувствовал, что кто-то осторожно пробирается через лес позади того места, где я прятался. Я только успел увидеть, что это женщина, как она, не скрываясь, выскочила из леса, словно молния, и, не обращая внимания на огонь, словно бы это были струи дождя, освободила Сонгу.

Он, как олень, перепрыгнул через огненный круг, в котором должен был бы медленно поджариться, сбил с ног двоих или троих воинов, оказавшихся на его пути, и рванулся в лес, и она побежала вслед за ним, и все это произошло прежде, чем кто-то понял, что происходит. Вслед ему было выпущено несколько пуль, но никто не попал, так что у них оказалось примерно ярдов сто феры, пока вся толпа не ринулась за ними. Манг был единственным, кто не упустил их из виду, и, когда на берегу озера они разделились и он побежал в одну сторону, а она в другую, он погнался за тем, кого ненавидел больше – за Сонгой.

– А как же ты смог все это увидеть? – спросил майор. – Ведь они должны были очень быстро пробежать мимо твоего укрытия.

– А, да я побежал за охотниками, – ответил Трумэн Флэгг. – Я решил, что вряд ли кто-то из них обратит на меня внимание. К тому же у меня все тело затекло, и я решил немного размяться.

– Да, они тебя так и не заметили, это ты верно решил, – похвалил его майор, – и я никогда не забуду, какое испытал облегчение, когда увидел тебя в тот критический момент. Я рад, что этот бедный юноша спасен и нашел убежище, хотя и не представляю, что теперь с ним делать. Всем сердцем хочу, чтобы он благополучно добрался в селения оттава. Но кто та женщина, что его спасла, и как ты думаешь, что с ней могло случиться?

– Он называл ее своей скво, – ответил охотник, – и если она там, где я с ней расстался, то сейчас сидит и смотри на него.

– Ты так не думаешь! – крикнул майор, вскочив на ноги. – Что с ней?

– Я так именно и думаю; она сидит рядом с ним, потому что я сам впустил ее полчаса назад, и, когда я уходил, она закрыла за мной дверь.

– Тогда пойдем со мной, я должен ее увидеть, – воскликнул майор, шагнув к двери.

– Подождите, майор. Не кажется ли вам, что Сонга заслужил несколько часов спокойного сна? – спросил охотник.

– Да, ты прав, так и есть, ответил майор и снова опустился на стул.

ГЛАВА

IV

ПОБЕГ ПЛЕННИКОВ

Миссис Хистер, уложив ребенка спать. Вошла в комнату как раз вовремя, чтобы услышать завершение истории охотника, которую сочла чрезвычайно интересной. Как и ее мужа, ее обуревало желание увидеть храбрую женщину, которая, пожертвовав всем ради мужчины, которого любила, смогла одна, без посторонней помощи, избавить его от ужасной участи. Вместе с тем она понимала, что было бы жестоко беспокоить гостей, столь нуждавшихся в отдыхе.

Подумав, она решила, что следует дожидаться утра, прежде чем навестить тех, кого судьба заставила воспользоваться их гостеприимством. Тем временем нужно было решить, что с ними делать, и кто они – гости или пленники? Обсуждение этого вопроса было долгим и оживленным, пока майор, наконец, не поставил точку, сказав:

– И то и другое. Этой ночью они наши гости. Утром я выставлю у них охрану, для их безопасности и заодно для нашей. Тогда они превратятся в пленников. Если к тому времени, как воин оттава залечит свои раны и будет готов отправиться в путь, я не получу иных указаний от Джонсона, я отпущу его, и да пребудет его судьба в руках господ. Если же я получу приказ продолжать удерживать его, или даже передать его тем, от кого он убежал, что было бы противно воле господ, то я не вижу никакой иной возможности, кроме как выполнить этот приказ.

– О Грэм! Ты не должен, не можешь предать этого замечательного индейца и его отважную жену той страшной участи, которая их ждет! – воскликнула миссис Хистер.

– Я не думаю, что придется выдать женщину, да этого никто и не потребует, потому что она военнопленным не является, но с мужчиной дело другое. Он вождь племени, которое зарекомендовало себя как самый непримиримый враг Англии и, судя по тому, что сказал мне Флэгг, человек он выдающихся способностей. Его смерть может в будущем спасти жизни сотен белых – мужчин, женщин и детей. Если позволить ему уйти, это может втянуть нас в войну. Любое решение может иметь далеко идущие последствия, и я благодарен, что не мне его принимать. Что бы ни приказал Джонсон, это будет исполнено, невзирая на наше личное мнение, потому что здесь он – законный представитель короля, да благословит его господь, которому все мы служим. В любом случае, этой ночью мы можем спать спокойно, а у этих двух все еще впереди, потому что, даже если сенеки пожалуются губернатору, пройдет несколько дней, прежде чем я получу его указания.

– О, дорогой! – вздохнула миссис Хистер. – Я полагаю, что ты прав, Грэм, но обстоятельства слишком опасны, чтобы оставаться просто наблюдателями. Я думаю, что лучше бы мне дойти до того, чтобы помочь этим беднягам бежать, пусть даже это будет вызовом губернатору, чем отдать их в его руки; я ведь знаю, что жена разделит судьбу своего мужа, какой бы она ни была.

– Не думаю, дорогая, что тебе стоит это делать; подумай сначала, как может твой поступок в будущем повлиять на судьбу твоего собственного мальчика, – хмуро ответил ее муж.

Перед тем, как отойти ко сну, майор и Трумэн Флэгг осторожно подошли к сараю, и, остановившись у единственного его открытого окна, которое было всего лишь узкой щелью, прорезанной в толстых бревнах в задней стене и должно было служить бойницей для мушкета, явственно услышали тяжелое дыхание, что убедило их в том, что их пленники пребывают в полной безопасности. Потом майор пожелал своему товарищу доброй ночи, и они разошлись по своим комнатам. Он прошел всего несколько шагов, когда охотник нагнал его и протянул ему ключ от сарая, сказав, что ему будет спокойнее, если этот ключ останется у хозяина. Когда они снова разделились, он заметил, что очень устал и боится, что завтра будет спать допоздна.

Несмотря на это, Трумэн Флэгг поднялся за час до рассвета. Он зажег маленький потайной фонарь и при его свете, двигаясь очень осторожно, в разных местах нашел оружие, одежду и еду.

– Это то, что майор в глубине души хотел бы сделать, эта точна, – прошептал он про себя, – и то, что мадам никогда бы мне не простила, если бы я это не сделал. Я видел это на ее лице.

Закончив эти приготовления, охотник пересек плац, как майор называл незастроенный участок, и открыл дверь сарая, которую незаметно отпер перед тем, как отдать ключ майору Хистеру. Едва он вошел внутрь, как обитатели сарая проснулись и со страхом уставились на него. В нескольких словах, сказанных шепотом, он объяснил Сонге его положение, добавив,

что, хотя белый вождь не имеет власти, позволяющей ему освободить пленника, ему очень не хочется, чтобы тот, кого спас его сын, был отдан тому, кто наверняка его убьет.

– Так что, – продолжил охотник, – он хотел бы, чтобы ты убежал, пока темно, взяв эти подарки. Он хотел бы, чтобы ты никому не говорил о том, как ты убежал, и чтобы ты помнил, если в твоих руках окажется английский пленник, что жизнью и свободой ты обязан английскому ребенку.

– Тебе, – добавил он, обращаясь к отважной жене Сонги, – передает привет белая скво, привет от одной храброй женщине другой, столь же храброй. Она желает тебе доброго пути, добраться со своим мужем до селений своего народа и сохранить ее для своего ребенка, который мог бы остаться без отца.

Когда молодой оттава с помощью жены медленно поднялся на ноги и с рудом выпрямился – тело его, истерзанное пытками, отзывалось болью на каждое движение – он просто ответил:

– Слова моего белого брата хороши. Сонга никогда его не забудет. Если бы все белые люди были такими, как он, не было бы больше сражений, и топор войны был бы зарыт навеки.

Пока охотник и скво смазывали раны спасенного медвежьим жиром, что несколько облегчало его состояние, последняя сказала голосом тихим, но дрожащим от волнения:

– Скажи моей белой сестре, что благодаря его словам я поняла, как любит Великий Дух своих детей. Они глубоко проникли в мое сердце, и всегда будут желанны мне, как свежая вода в жаркий день.

При первых проблесках зари две темные фигуры проскользнули, бесшумно, словно тени, мимо строений Таутри, пересекли открытое пространство и скрылись в темном лесу. В то же время Трумэн Флэгг, весьма довольный тем, что только что сделал, хотя и не знал еще, каковы будут результаты его поступка, вернулся в свое жилье, растянулся на застеленном шкурами ложе и быстро погрузился в сон.

Несколько позже его разбудил голос его хозяина, кричавшего:

– Эй, Флэгг! Шевелись! Солнце уже два часа как взошло, а ты все еще спишь! Тебе должно быть стыдно!

Когда охотник выполз из своей хижины, зевая и потягиваясь, майор продолжил:

– Я иду навестить наших гостей, или скорее пленников, и ты мне нужен как переводчик. Гости они или пленники, мы не должны позволить им голодать, а если они вполнину так голодны, как я сейчас, то должны себя чувствовать в большой опасности.

Честный солдат удивился, найдя дверь сарая незапертой, и еще больше удивился, когда сарай оказался пустым.

– Что все это значит? – сердито крикнул он. – Среди нас предатель? или это колдовство? Ведь ни один человек, получив такие раны, как этот индеец, всего несколько часов назад, не мог бы убежать без посторонней помощи.

– Вы забыли, что с ним была скво, – возразил охотник.

– Верно, хотя то, как она смогла открыть дверь, выше моего понимания. Ты точно запер дверь, когда привел ее?

Все утро шли длинные, но бесплодные поиски – обыскивали все строения и окружающий лес. Пока все это длилось, майор выглядел сильно обеспокоенным таким поворотом событий; но вид его говорил о том, что он все доволен тем, что ему не пришлось злоупотребить своим гостеприимством, обращаясь в гостем, как с пленником.

Что же до миссис Хистер, то она выражала столь нескрываемую радость по поводу побега, что охотнику пришлось сказать ей правду о своей в нем роли и передать ей слова индианки.

ГЛАВА

V

ДИТЯ ПОТЕРЯЕННОЕ И ОБРЕТЕННОЕ

В этих утренних поисках Трумэн Флэгг принимал активное участие, и оказался единственным, кому удалось найти следы сбежавших оттава. Пройдя по ним достаточно далеко, чтобы понять, что никто из недружелюбных обитателей леса их не преследует, он направил свои шаги к селению сенека. Здесь, хотя и приняли его достаточно холодно, зная о его участии в том, что произошло накануне вечером, все же никто открытой вражды не выказывал, и он без труда смог выведать то, что ему было нужно. Так что, вернувшись в Таутри, он смог доложить майору Хистеру, что Манг не только жив, но и оправился от полученного удара, и что жалоба на него благодаря помощи быстрых бегкнов уже лежит перед сэром Уильямом Джонсоном.

На следующий день это сообщение подтвердилось – появилась делегация вождей сенека, которые принесли записку от губернатора и потребовали, чтобы майор Хистер выдал им пленного оттава. Записка сэра Уильяма, хотя и составленная в весьма учтивых выражениях, все же была очень твердой по сути и недвусмысленно приказывала вернуть сенекам их законного пленника. Майору указывалось также не вмешиваться в отношения между индейцами, так как это могло повредить отношениям между англичанами и их соведями-ирокезами.

Когда майор читал эту записку, румянец гнева окрасил бронзовые щеки старого солдата, и он готов был высказать свои чувства в неподобающих выражениях. С видимым усилием сдержав себя и попросив Трумэна Флэгга перевести его слова, он ответил вождям следующее:

– Братья! Я выслушал ваше требование и понял его. Говорящая бумага белого вождя велит мне отдать вам пленника, который известен как Сонга из племени оттава. Приказу белого вождя нужно повиноваться, и я повинуюсь, если только это было бы возможно но это не так. Выслушайте. Когда я гулял у моего дома, чужак, которого я никогда прежде не видел, выбежал из леса и упал у моих ног. Он был в крови из множества ран и измучен после длинного бега. За ним бежали враги, которые хотели его убить, когда мой сын, маленький ребенок, упал на шею чужака и тем спас его жизнь. Не было ли это знаком от Великого Духа, что он хочет, чтобы чужак остался жив? Мог ли я сделать меньше, чем сделал маленький ребенок? Вы знаете, что не мог. Вы знаете, что ни один воин сенека не позволит быть убитым человеку, нашедшему защиту таким образом. Так что я поднял чужака и отнес его в свой дом. Одновременно я сказал его врагу, что буду охранять его, пока не получу указаний выдать его от большого белого вождя. Теперь вы принесли мне этот приказ, и, если бы чужак был в моем доме, я бы выдал его, но его там нет. Он ушел той же ночью. Как – я не знаю. Он был сильно изранен и лежал в безопасном месте, но утром он пропал. Мне говорили, что он – шаман Метаи. Не могла увести его магия этого круга? Неважно. Он был здесь и ушел. Вы смотрите на меня и хотите получить его, но я не могу его создать. Вот и все. Я сказал.

Величественный старый сенека поднялся, чтобы ответить, и произнес:

– Мы слышали слова моего белого брата, и верим, что все сказанное им – правда, потому что его язык не кривой. Он один из всех белых людей никогда нам не лгал. Он сказал, что пленник убежал, и так оно и должно быть. Но это нехорошо. Наши сердца тяжелы оттого, что этот храбрый пленник сбежал. Что же тогда брат мой может дать нам взамен, чтобы снять тяжесть с наших сердец?

– Я дам вам, – ответил майор Хистер, – два ружья и десять красных одеял, двадцать фунтов пороха и пятьдесят фунтов свинца, кусок синей материи, кусок красной, и пять фунтов табака. Этого достаточно?

– Это достаточно, – ответил вождь, в то время как глаза его товарищей блестели в предвкушении столь богатых подарков. – Но, – продолжил он, – тут была и женщина. Что брат мой даст за нее?

– Ничего, – твердо ответил белый брат, – потому что она не была вашей пленницей.

– Угх! – пробурчали индейцы.

– Есть еще и Манг, – продолжал дипломат-дикарь, чье поведение полностью соответствовало поведению его белых коллег, а именно – дать как можно меньше и взять как можно больше. – Что даст ему мой белый брат, чтобы помочь ему залечить его раны?

– Я дам Мангу достойный подарок, когда бы он ни пришел ха ним ко мне, потому что не хочу, чтобы между нами была дурная кровь, – таков был ответ, и все индейцы выразили свое доброе согласие.

Хозяин дома Таутри сдержал свое слово в отношении подарков; но Манг так и не пришел за тем, что ему причиталось. Вместо этого он прислал майору Хистеру сообщение о том, что никакой дар, кроме его крови, не будет достойной наградой за его удар и не смоет вражды между ними.

– Если ему так хочется, то так тому и быть, – ответил солдат с легкой улыбкой, получив это сообщение; но жена его побледнела и задрожала, вспомнив выражение ярости на искаженном лице Манга. Угрозы оджибуэя не были пустым звуком – это скоро, к большому своему огорчению, поняли поселенцы, когда скот некоторых из них был убит, строения, стоявшие за оградой, сожжены, и наконец даже сам майор с трудом избежал смерти от пули, выпущенной в него невидимым врагом. Наконец все это стало столь нестерпимым, что сэр Уильям Джонсон велел сенекам выдворить Мангу из своей страны, или же передать его белым для суда, если они и дальше хотят получать дорогие подарки, которые им посылает Великий Отец из Англии, очередная партия которых их как раз ожидает.

Таким образом Ныряльщик утратил любовь принявшего его племени и был силком переправлен через Ниагару, после чего ему под страхом смерти запрещено было даже ступить на ее восточный берег. Совершив это действие, сенека отправились на восток, к длинному дому совета Шести Народов, который располагался в стране онондагов, где они должны были получить свои подарки и обсудить свои дела с другими племенами своего союза.

Прошло два месяца после описанных событий, и в течение нескольких недель в окрестностях дома Таутри не было видно ни одного индейца. Местность стала столь спокойной, что его обитатели совершенно утратили бдительность и, во всяком случае днем, ходили где им хотелось, совершенное не думая об опасностях.

Этот мир был грубо нарушен однажды утром диким криком шотландской няньки, коорая за час до этого пошла с ребенком прогуляться к озеру. Теперь она бежала назад, трясясь от ужаса и что-то неразборчиво выкрикивая. Сначала все решили, что ребенок утонул, но наконец из неразборчивых слов няньки перепуганные родители поняли. Что она оставила его недалеко от воды всего на минуту, чтобы подойти к берегу и напиться. Когда она вернулась, то оказалось, что ребенок пропал и не отзывался на ее зов.

Два дня поисковые отряды обыскивали окрестные леса, но напрасно. Опытного следопыта среди них не было. Трумэн Флэгг был вместе с сэром Уильямом Джонсоном в доме советов в стране онондага. К концу второго дня, когда майор Хистер и большинство его людей все еще продолжали свои бесплодные поиски, мать ребенка с бьющимся сердцем, безо всяких мыслей, вышла к тому месту, где в последний раз видели ее сына. Она уже была там много раз – ее неосознанно, но неудержимо влекло туда.

В то раз, когда она уже хотела возвращаться, до ее ушей донесся плач ребенка. Словно тигрица, у которой украли тигренка, с горящими глазами она ринулась в ту сторону, откуда доносился плач, и в следующий миг ее дитя, живое и в добром здравии, припало к ее груди. Он запутался среди низких веток невысокого кедра, и она выпутала его из этой деревянной ловушки, образованной причудливо перепутанными колючими ветками.

Словно подгоняемая ужасом, она прибежала в дом со своей драгоценной ношей и никому не позволяла забрать ребенка, пока ее муж не вернулся.

Когда ребенка осмотрели, то оказалось, что на нем нет ни одной царапины или синяка, если не считать странного воспаления на левой руке, под самым плечом. Хотя оно быстро

зажило, прошло много времени, прежде чем эта тайна была раскрыта: когда Трумэн Флэнн увидел его, он сразу сказал, что это вытатуированный знак индейского тотема.

ГЛАВА VI

ДЕБРИ

В новой стране перемены, произошедшие за шестнадцать лет, будут более заметными, чем те, что произойдут за целую жизнь в давно существующем сообществе. Так и было в Северной Америке в течение шестнадцати лет, предшествовавших 1763 году. Смертельная борьба между Англией и Францией за владычество в новом мире, начавшаяся в 1755 году поражением английской армии под Брэдкоком, четырьмя годами позже завершилась убедительной победой Вольфа на равнинах Абрахама. Годом позже Франция признала свои поражение и уступила Англии Канаду и все свои владения. Владения эти включали в себя длинную цепь небольших фортов, вокруг некоторых из которых группировались небольшие французские поселения, которые располагались в основном вокруг Великих Озер и к югу от них в долине Огайо. Среди них были Ниагара, расположившееся у устья реки того же названия, Преск Иль, расположенный на месте современного города Эри, Сандаски, Детройт, Маккинак, форт Говард у Зеленой Бухте и форт св. Иосифа на южном берегу озера Мичиган. По своему положению самым важным из них был первый из названных, а самым крупным, окруженным самыми процветающими поселениями – Детройт. Этот форт представлял собой окруженное палисадом поселение из сотни тесно стоявших домов, и располагался он на западном берегу реки Детройт. За его стенами на восемь примерно миль в обе стороны были разбросаны поселения французских крестьян, чьи узкие длинные фермы тянулись от речного берега, хотя аккуратные белые домики и строения располагались у самой воды.

Английские поселения накануне войны с Францией еще не перешли за Аллеганы, и в провинции Нью-Йорк западный берег реки Гудзон представлял собой почти сплошные девственные дебри. Через земли Шести Народов проходила, с их разрешения, военная дорога, охраняемая цепочкой фортов, хотя индейцы и понимали, что с окончанием войны все это должно быть прекращено. Начиналась дорога в приграничном городе Олбани. Тут путешественники высаживались из неказистого, но удобного шлюпа, в котором проводили неделю пути из Нью-Йорка, и пересаживались в каноэ или плоскодонку, где им предстояло, отталкиваясь шестами, преодолевать быстрое течение реки Могаук. Так они проходили мимо старого голландского городишка Шенектади, Джонсон Холл и Джонсон Кэсл, форты Хантер и Херкиннер, и, наконец, судоходный участок реки заканчивался у форта Стэнуикс. Оттуда короткий волок через лес приводил их к ручью Вуд (Лесному), где они снова садились в лодки, и ленивое течение несло их в Ройал Блокгауз на берегу озера Онейда. Пройдя по нему к Порт Брювертон у истоков реки Осуэго, по ее быстрым водам они спускались к форту Осуэго на берегу озера Онтарио. Оттуда в любом направлении путь лежал по обширным внутренним озерам, свобода плавания по которым нарушалась только необходимостью совершать утомительный волок вокруг Ниагарского водопада.

Между этими редкими пятнами поселений белых и тонкими линиями связывавших их путей вся эта внутренняя страна была покрыта первобытными лесами, которые, словно волнующееся зеленое море, покрывали равнины, холмы, долины и горы, закрывавшие от солнца бесчисленные широкие реки и быстрые ручьи и простиравшие свою листву над миллионами зверей, птиц и рыб. Здесь обитали индейцы, и до прихода белых леса обеспечивали все их скромные нужды. Их темные лабиринты во всех направлениях были во всех направлениях покрыты их тропами, глубоко протоптанными на протяжении жизни множества поколений,

которые образовывали сеть, связывавшую меду собой поселки и важные места. Эти узкие тропки так замечательно связывали все точки по кратчайшему и удобнейшему пути, что, когда белые стали прокладывать там свои дороги, они не могли сделать ничего лучшего, как только приспособить эти тропинки к своим нуждам.

С приходом белых жизнь индейцев претерпела быстрые и значительные перемены. Они стали пользоваться ружьями, ножами, котелками, одеялами и другими вещами, которые сочли полезными и удобными для своего образа жизни, и теперь они хотели иметь все эти вещи, а для этого нужно было продавать меха. Так мехоторговля стала важной частью лесной жизни, и дело это становилось столь выгодным, приносящим такие доходы, что контроль над ним стал главным поводом к вражде между Англией и Францией. Маленькие форты, построенные французами по всей стране, были всего лишь торговыми постами, и в них, пока ими управляли их создатели, французы относились к индейцам с таким уважением и дружелюбием, что завоевали их верную дружбу и сделали их своими верными союзниками во время войны. Но, когда власть французов была повержена, и индейцы, не понимая почему, обнаружили, что теперь они должны будут иметь дело с английскими мехоторговцами, все изменилось.

Войны больше не было, соперников в этой стране не оставалось, поэтому не было более необходимости умиротворять индейцев и завоевывать их дружбу. Вновь прибывшим не было дела до мехов, в отличие от земли. Для этого они продавали ром, а не ружья, пули, порох и ножи. Этого индейцам продавать не разрешали, чтобы не доводить до беды. Теперь для них белые были не друзьями, а хозяевами, притом очень жестокими.

Теперь решено было, что можно не давать больше индейцам подарков, которые во время войны раздавались так щедро, и единственной проблемой, которую хотели решить англичане – избавиться от нежелательных индейцев и сделать это по возможности быстро и без лишних затрат. Маленькие торговые посты, в которых они прежде были желанными гостями, теперь были обителью солдат, одетых в красные мундиры, которые называли их собаками и относились к ним соответственно. Они превратились в голодных оборванцев, которых выгнали из жилищ их отцов, и до них стало доходить, что и права на жизнь им никто теперь не гарантирует. Они впали в отчаяние, и их ненависть к тем, кто прогнал их французских друзей и довел их самих до нынешнего бедственного состояния, стала смертельной. Они ясно поняли, что, если не сбросят эти красные мундиры в море, откуда те пришли, то скоро их народ будет стерт с лица земли. Казалось, что множеству индейцев противостоит горстка белых; но, если последние были объединены под началом одного сильного вождя. То первые были раздроблены на множество маленьких племен под началом множества мелких вождей. Если только нашелся бы такой великий вождь, под началом которого могли бы объединиться все племена, как быстро они смогли бы уничтожить ненавистные красные мундиры и заставить англичан уважать их права. Быть может, когда они начнут сражаться, одетые в белые мундиры французские солдаты снова придут им на помощь. Во всяком случае, заслуживавшие доверия белые говорили им, что так должно произойти, и они в это верили. Если бы только они смогли найти предводителя!

Постепенно среди индейцев крепла уверенность в том, что среди них появился великий вождь, и были готовы нанести могучий удар, который принесет им свободу. От племени к племени, от поселка к поселку шли посланники, несущий широкий пояс с вампумом, и алый топор войны. Они шли от имени Понтиака, военного вождя яростных оттава, верховного шамана сильного общества Метаи, друга Монкальма, верного друга французов во время прошедшей войны, предводителем своих людей во время сражения при Монохагиле, где упрямый Брэддок был убит вместе со своими красными мундирами, и даже ужасные Длинные Ножи из Вирджинии принуждены были бежать.

В самые отдаленные места проникли посланцы могучего вождя, и везде с восторгом встречали его топор войны. Далеко ходил и сам Понтиак, и там, где дети лесов слышали его горячие речи, в них загоралась жажда битвы. Наконец план был закончен. Удар следовало

нанести по всем английским постам к западу от Ниагары в один день. Когда они падут, торжествующие орды лесных обитателей должны были обрушиться на поселения и уничтожить их так же, как уничтожали белые их селения, оказавшиеся на их пути.

Пока эта буря собиралась с силами, чтобы пролиться смертельным штормом, под большим секретом об этом сказано было только одному белому, которого звали Грэм Хистер.

ГЛАВА VII

МАЙОР ВНОВЬ ПРИСТУПАЕТ К СЛУЖБЕ

В начале войны с французами майор Хистер принял предложение своего друга перевести семью в Джонсон Холл, потому что в это беспокойное время дом Таутри стал небезопасным местом. Это он сделал с большой охотой, заботясь о здоровье своей жены, здоровье которой так сильно пошатнулось, что майор, будучи уверенным в том, что сможет отстоять свою лесную крепость от любого внезапного приступа, гораздо больше боялся за женщину, которая была ему дороже жизни.

Увы, все предосторожности оказались тщетными! Во время изнурительного путешествия на восток путешественники попали под сильный ливень, сопровождавшийся холодным пронизывающим ветром. Разгул стихии был таким, что все попытки защититься от него оказались бесполезными, и меньше чем через неделю шумная суета в Джонсон Холле сменилась тишиной в час ее похорон. Суровый солдат так тяжело переживал свою утрату, что поклялся, что никогда более ноги его не будет в доме, где жила она, и, едва устроив жизнь своих детей, ушел сражаться за короля, потому что одна только смерть могла помочь ему соединиться со своей любимой.

Детьми, лишившимися теперь нежной материнской заботы, были Дональд, теперь крепкий двенадцатилетний подросток, и Эдит, хорошенькая девочка двумя годами моложе его. Дональд был не по годам умен и прекрасно знал жизнь леса – эту науку он постигал с помощью наставника, которым был Трумэн Флэгг. В то же время он не был особо начитан и не знал много из того, что обязан был знать любой джентльмен. По этой причине майор решил послать его в Нью-Йорк, в колледж, который в то время назывался Королевским, но позднее ставший известным как Колумбийский.

Против этого решения подросток высказал свои возражения – он заявил, что хочет стать солдатом, а научиться сражаться любой может научиться и без помощи книг.

– Верно, сын мой, сможет, но лишь до некоторой степени, – ответил майор. – Но в военном искусстве, как и в любом другом, все знания мы получаем от тех, кто предшествовал нам, и самое важное написано в книгах, которые они оставили для того, чтобы мы могли над ними подумать. Так что, раз уж современный солдат представляет собой сегодняшнего благородного рыцаря минувших веков, он должен стать джентльменом, а джентльмен без образования будет представлять зрелище столь же нелепое, как и невооруженный солдат на поле боя. Так что, дорогой мой мальчик, прими судьбу свою со смирением и готовься сразиться с врагом, имя которому – невежество. Когда твое образование в Королевском колледже завершится, то, если у меня осталось еще какое-то влияние, в чем я мало сомневаюсь, тебя будет ждать назначение в один из американских полков армии его величества. С тобой я пошлю и нашу девочку, и вы оба будете приняты в доме мадам Ротси, вдовы моего хорошего друга, которая согласилась принять тебя и, насколько это будет возможно, заменить тебе мать.

Майор проводил своих детей до Олбани, где посадил их вместе со служанкой-шотландкой, которая заботилась о них с самого их рождения, на борт грузового шлюпа, который должен был доставить их к их новому дому. Позабывшись таким образом о тех, кто был ему дорог, одинокий мужчина приступил к исполнению своих планов – пойти добровольцем в армию,

которая под командованием генерала Джонсона должна была атаковать Краун Пойнт на озере Шамплейн. В этой кампании, в значительной степени благодаря военному опыту и умелому руководству майора Хистера, французская армия, успевшая пройти до южного берега озера Георга, потерпела поражение. За эту победу сэру Уильяму Джонсону был пожалован титул баронета, к которому прилагалось пять тысяч фунтов.

Всю войну майор Хистер провел в разных полках, и всегда был в первых рядах сражавшихся и председательствовал на военных советах, но так и не нашел смерти в бою, чего так страстно желал. Он стоял с Вольфом на равнине Абрахам и при падении Квебека был свидетелем последнего удара по силе Франции в Америке. Всю войну он никогда не возвращался в свое лесное жилище, которой в последний раз видел вместе со своей любимой женой. Хотя он никому не говорил о своем решении никогда более не посещать это место, на второй год войны отряд мародеров из армии Монкальма, которая незадолго до того захватила и разрушила Осуэго, добралась до дома Таутри и сожгла его дотла.

После сдачи Канады Майор Хистер навестил своих детей в Нью-Йорке. Он нашел, что мальчик вырос и изменился до неузнаваемости, жил он в новом здании Королевского колледжа, который уже почти закончил, преуспев в науках, но очень жалел о том, что война завершилась без его участия. Поседевший солдат обнаружил также, что его дочь, Эдит, которой исполнилось пятнадцать лет, стала красивой девушкой, и так стала похожа на свою мать, что он смотрел на нее с болью и восхищением.

Во время своего пребывания в городе майор постоянно консультировал по военным вопросам верховного командующего, сэра Джеффри Армхерста, который наконец предложил ему присоединиться к экспедиции, которую предполагалось отправить далеко на запад, под командованием неустрашимого полковника Роджерса, прославленного рейнджера, чтобы принудить к сдаче самые дальние французские укрепления.

– Роджерс слишком нетерпелив, и ему нужен человек с вашим опытом, чтобы быть ему противовесом, – сказал сэр Джеффри. – Кроме того, учитывая ваш опыт и знание индейцев, я хотел бы поручить вам принять командование над Детройтом, самым важным поселением и торговым постом на западе. Так что, Хистер, если вы принимаете это предложение, то не только послужите королю, но мне лично сделаете большое одолжение.

Желая как можно дольше продолжить службу, не имея никаких иных планов, майор Хистер принял предложение Джеффри и, пустившись в долгое путешествие, присоединился к Роджерсу в форте Ниагара, где, с помощью лебедек и воловьих упряжек, рейнджеры переправляли тяжелые лодки через крутой волок вокруг большого водопада.

Наконец маленькая флотилия снова была на воде и направлялась к южному берегу озера Эри, и за каждым ее движением следили зоркие глаза индейских разведчиков, прятавшихся под укрытием густого леса, и доносивших обо всем вождю этой страны, потому что никогда прежде столь крупные силы англичан не проникали так далеко. Наконец в одном из лагерей рейнджеров посетила большая индейских сашемов, которых возглавлял сам великий вождь, которые спросили их, почему они находятся в этой стране.

Когда в ответ Роджерс рассказал о своих целях, вождь произнес речь, в которой запрещал англичанам двигаться дальше. Внезапно глаза его остановились на майоре Хистере, который только что вышел из своей палатки, чтобы присоединиться к совету. Речь вождя внезапно прервалась, и он, внимательно глядя на седого офицера, спросил – не тот ли он вождь, который жил в большом доме с двумя деревьями в стране сенека.

– Я жил там, – ответил майор, сильно удивленный этим вопросом.

– Хочет ли мой брат из дома с двумя деревьями пройти через страну оттава?

– Да. Я это и делаю, – был ответ.

– Ради мира или ради войны? – лаконично спросил дикарь.

– Ради мира, – ответил майор Хистер. – Война закончена, и мы идем, чтобы предложить французам мирно передать эти форты англичанам.

– Угх! Это хорошо! Пусть мой белый брат идет с миром, потому что Понтиак знает, что язык его прямой, и то, что он сказал, всегда правда.

С этими словами гордый вождь, сопровождаемый своей свитой из дикарей, покинул лагерь, и больше никто не видел ни одного индейца до самого прибытия в Детройт, хотя, как впоследствии стало известно, сильный отряд воинов Понтиака поджидал их в устье реки Детройт, удерживаемый от нападения на флотилию только приказом своего предводителя.

Ни майор Хистер, ни полковник Роджерс не знали, что теперь можно ожидать от этого могучего вождя, который явно был против их продвижения. Последний не мог его вспомнить, даже встречаясь с ним или беседуя, хотя после того, как он принял командование над фортом Детройт, Понтиак нанес ему несколько визитов, каждый раз говоря о своей крепкой дружбе со старым солдатом, который всегда относился к его народу с большим уважением и был честным. Иногда, правда, Понтиак говорил майору о грубом произволе со стороны других английских офицеров и их жестоких солдат, и о толпах бессовестных торговцев, наводнивших страну. Он говорил, что, если все это будет продолжаться, индейцы восстанут против захватчиков и сотрут их с лица земли.

Полностью поняв положение дел, но бессильный изменить что-то, выходящее за рамки его полномочий, майор Хистер постоянно обращался к сэру Уильяму Джонсону, умоляя его посетить западные окраины и использовать все свое влияние, чтобы притушить растущее недовольство. Сэр Уильям с большой помпой сделал это в 1761 году, как раз во время, чтобы с помощью щедрых подарков и еще более щедрых обещаний предотвратить общее выступление алгонкинских племен. Мир таким образом был восстановлен, но ненадолго, потому что в течение года агрессия со стороны белых стала еще более явственной, а положение индейцев более отчаянным, чем прежде. Понтиак пропал из окрестностей Детройта, и в течение многих месяцев майор Хистер его не видел. В то же время он хорошо знал о жестокостях по отношению к индейцам, и предвидел, что скоро с их стороны последует ответ, и действовать они будут жестоко, в соответствии со своей кровожадной натурой. Не желая сражаться на стороне беззакония и насилия, он в конце концов уговорил сэра Джеффри Амхерста освободить его от своих обязанностей. Прощение было удовлетворено, и в конце 1762 года его сменил майор Глэдуин, известный как храбрый воин, не терявший при необходимости решать вопросы при разрешении вопросов с индейцами. Хотя отставка майора была принята, некоторые вопросы на несколько месяцев задержали майора в Детройте, и весной 1763 года он все еще оставался в этом пограничном форте.

ГЛАВА VIII

ДОНАЛЬД ПУСКАЕТСЯ В ОПАСНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Никогда прежде восходящее солнце не видело столь замечательной картины, как та, что предстала ему в маленьком лесном поселке Детройт шестого мая 1763 года. Вся природа радовалась приходу весны и одевалась в свой зеленый наряд. Широкая река несла на юг огромные массы воды из четырех внутренних морей, истекающие из которых реки сливались в одну, и берега ее, насколько хватал глаз, были покрыты белыми домиками и плодородными полями французских фермеров. Над ними мирно поднимались голубые спирали дыма, а домашние животные своим блеянием и мычанием приветствовали друг друга. Более темная масса строений на западном берегу была огражденным поселением, где находился британский гарнизон, жены и дети военных, около пятидесяти мехоторговцев и работники из Канады. Домов за огра-

дой было около ста, в основном это были невысокие, деревянные, и покрыты корой или соломой. Селение было квадратным в плане и открыто со стороны реки, а три другие стороны были окружены деревянными стенами высотой в двадцать пять футов, с бревенчатыми бастионами по углам и блокгаузами напротив всех трех ворот. На бастионах располагались несколько легких пушек, а на реке стояли на якоре две вооруженные шхуны – «Бобер» и «Глэдуин». На некотором расстоянии от форта вверх и вниз по реке поднимались дымки над многочисленными индейскими стойбищами, потому что все народы окрестных земель завершили зимнюю охоту и собрались там, чтобы продать добычу. По спокойной воде от одного берега до другого то и дело скользили легкие каноэ. Экипажи лодок, направлявшихся на север, покинули форт, и канадские путешественники, одетые в костюмы с бахромой, украшенными бусинами, подпоясанные малиновыми кушаками, заставили утренний воздух звенеть от своих мелодичных песен, пока их лодки, одна за другой, уходили, пеня воду могучими ударами весел.

Недалеко от этой шумной сцены отправления происходила еще одна, намного менее шумная. На корме сделанного из бересты каноэ с веслом в руке и демонстрируя явное нетерпение, сидел один из рейнджеров Роджерса, одетый в костюм из оленьей кожи, готовый отправиться в свой далекий дом в Нью-Гемпшире. Рядом на берегу стояли два человека, высокие, с военной выправкой. Один из них, в повседневной офицерской форме, был пожилым и седоволосым, в то время как другой, стройный и одетый так же, как и рейнджер на каноэ, едва вступил в возраст мужества. Пока это двое стояли рука об руку, молодой сказал:

– Не могу ли я, отец, в последний момент уговорить тебя изменить свое мнение и отправиться с нами? Бедняжка Эдит будет очень огорчена.

– Боюсь, что так и будет, Дональд, – ответил майор Хистер с печальной улыбкой, – но вся эта жизнь и состоит из огорчений, и чем раньше она научится переносить их со спокойствием, тем будет лучше. Я хотел бы отправиться в путешествие с тобой вместе, чтобы еще раз обнять свою дорогую девочку, и до конца года восстановить дом Таутри, где она должна стать хозяйкой. Когда война закончилась, я очень надеялся на то, что и мне выпадет своя доля счастья, и я хотел обеспечить его так, как планировал.

– Так почему нет, отец? – нетерпеливо перебил его юноша. – Ведь ты более чем выполнил здесь свой долг, и...

– Ни один человек не сделал этого, Дональд, пока остается что-то, что он может сделать, – сердито прервал его майор Хистер. – Пока я вижу, что неминуем кризис в отношениях с индейцами, и я, оставаясь здесь, могу способствовать его разрешению, по крайней мере до тех пор, пока не прибудет подкрепление, которое ты должен срочно привести, остаться здесь – мой долг. Так что доброго тебе пути, мальчик мой. Старайся не рисковать, если можно этого избежать, и не старайся избегать того, что, будучи должным образом сделано, может ускорить исполнение твоей задачи. Прощай, сын мой. Пусть Господь хранит тебя и приведет начинания твои к счастливому завершению.

После этого каноэ отчалило. Майор Хистер поднялся на один из береговых бастионов откуда смотре на него, пока оно не превратилось в еле различимое пятнышко и скрылось наконец за речной излучиной, получившей потом название мыс Монреаль.

Дональд Хистер так упорно грыз гранит науки, что прошедшим летом закончил, наконец, обучение в Королевском колледже первым в своем классе. После этого он получил назначение туда, куда так рвался – в Королевский Американский полк. Свои новые обязанности он выполнял с таким рвением, что быстро обратил на себя внимание начальства. После службы на нескольких постах он, к огромной своей радости, был переведен в Детройт, где отец солдата и сын солдата, гордясь друг другом, с удовольствием воссоединились после долгих лет разлуки. Здесь он обновил свои детские знания о жизни в лесу, с удовольствием возобновив изучение всех премудростей этой науки.

Хотя Дональд пользовался любовью у других офицеров, он не разделял их любви к развлечениям, которыми они пытались разнообразить свое однообразное существование. Вместо этого он предпочитал взять ружье или удочку и совершить долгое путешествие на каноэ. В одну из таких прогулок ему не повезло – спустившись далеко вниз по реке и преследуя раненую утку, он сломал весло. В следующий момент его, беспомощного, быстрое течение несло к открытой воде озера Эри. Единственное, что ему оставалось в этой ситуации – грести ладонями, стараясь направить свой челн к ближайшему берегу. Напрягая все силы в этом занятии, он вдруг услышал совсем рядом смех, и, оглянувшись, увидел улыбающееся лицо индейской девушки, которое показалось ему в тот момент самым прекрасным созданием из всех, прежде виденных. Она в компании своих подруг сидела в красиво разрисованном узорами каноэ, скользившим в его сторону с легкостью пушинки. Когда молодой солдат поймал ее взгляд, она как раз протягивала ему весло.

Потом странное каноэ унеслось, словно стрела, и единственным ответом на сбивчивые от волнения благодарности молодого человека был веселый смех и восклицания, из которых он смог разобрать лишь единственное слово – «Ах-мо». Оно донеслось до него, когда быстрое каноэ скрылось за мысом маленького островка. Желая узнать хоть что-то о таинственной обитательнице леса, которая так вовремя пришла к нему на помощь, Дональд со всех сил погнал свой челн в том же направлении, но, обогнув мыс, не увидел никаких следов той, кого искал.

Встреча эта произвела на него такое глубокое впечатление, что лицо с кожей оливкового цвета, смеющиеся глаза, смоляные косы девушки стояли перед его глазами днем и ночью, не отпуская его юного воображения; но, как он ни старался, ему так и не удалось увидеть ее снова, а его упорные расспросы не принесли ни малейших сведений о ней.

Быть может, было к лучшему для его службы, что в это время майор Глэдуин выбрал Дональда в качестве курьера для доставки сэру Уильяму Джонсону посланий, касавшихся доставки подкреплений и припасов, которые должны были доставить команды гребцов на лодках из Ниагары. Майор Хистер, который к этому времени решил возвращаться на восток, внезапно решил остаться в Детройте. Он также доверил молодому курьеру несколько частных посланий, адресованных сэру Уильяму и генералу Амхерсту. Помимо этих важных посланий, в каноэ Дональда был погружен и большой мешок с письмами служащих гарнизона своим друзьям и любимым. Так что он пустился в дальний путь, провожаемый надеждами и добрыми пожеланиями тех, кого оставлял позади.

ГЛАВА

IX

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОТ СЕНТ- ОБИНОВ

Когда майор Хистер медленно, в глубоких раздумьях возвращался домой после расставания с сыном, он обнаружил сидевшую у порога и терпеливо ожидавшую его прихода женщину-канадку. Рядом с ней стоял с безразличным видом ее муж, которого майор знал как зажиточного фермера из поселения, которому иногда оказывал небольшие услуги, пока командовал постом.

– Доброе утро, мадам. Доброе утро, Сент- Обин. Чему обязан я честью видеть вас в столь ранний час? Что я могу для вас сделать? – спросил старый солдат в ответ на ленивое приветствие, сопровождавшее его прибытие.

– Ах! Мсье, мы пришли... – начала женщина.

– Точна так, мы пришли, – эхом отозвался ее муж.

– Жан!

– Пардон, Мари.

– Мы пришли, потому что помним доброту мсье, чтобы по секрету сказать ему...

– Тайна! Ужасная тайна, – вмешался старик, нетерпеливо переступавший с ноги на ногу.

– Жан!

– *Oui*, Мари.

– Если вы хотите сообщить мне нечто важное по секрету, не лучше ли нам зайти в дом? – предложил майор, по нетерпеливому поведению супружеской пары понявший, что их действительно что-то сильно обеспокоило.

Они приняли его приглашение, и майор наконец из их сбивчивых рассказов выяснил, что накануне мадам Сент-Обин, посетив селение оттава, удивилась, увидев, что множество воинов занимаются тем, что обрезают длинные стволы своих ружей, так чтобы длина каждого ружья не превышала одного ярда. Более того, она слышала разговоры индейцев, находящихся под действием спиртного, что пройдет совсем немного дней, как они будут иметь множество английских скальпов, которыми украсят свои леггинсы.

– Есть ли другие признаки волнения среди индейцев? – спросил майор.

– Да. Бэзила, кузнеца, индейцы уже несколько дней одолевают требованиями продать им напильники и пилы, и не говорят, зачем.

– Но почему вы сообщили все эти сведения не мне, а майору Глэдуину – ведь командир сейчас он, а не я?

– Потому, мсье, что комендант посмеялся над нами и слушать нас не стал. *Aussi*, мсье, ему мы не доверяем, в отличие от вас, который часто обращал горести наши в радость, и мы не хотим, и мы не хотим, чтобы горе постигло вас. Что до нас, так мы не боимся. Дикари французам ничего плохого не сделают. А что до англичан – так они их совсем не любят.

– Так вы думаете, что форт в опасности?

– На него нападут, мсье. Точно.

– Как скоро?

– Кто скажет? Может через неделю. А может уже завтра.

– Могли бы вы прийти ко мне вечером, до того, как закроют ворота, и сообщить, что сможете выяснить за день?

– Мы опасаемся, мсье. Все французы следят друг за другом. Этим утром мы продаем яйца. А вечером, все знают, у нас здесь дел нет.

– Если я выйду из форта через час после заката и пройду прямо за церковь, сможете вы там со мной встретиться и сообщить, что удалось узнать?

– Если получится, придем; мы сделаем то, что просит мсье, в благодарность за его доброту, которую он так часто к нам проявлял.

Когда эти люди ушли, майор Хистер сразу направился на квартиру коменданта, которого застал за завтраком.

Глэдуин, хоть и был храбрым человеком и настоящим солдатом, склонен был к роскоши, был довольно рассеянным, не терпел чужих советов и с нескрываемым презрением относился ко всем индейцам. В довершение всего этого он очень ревниво относился к влиянию, которое имел среди индейских племен его предшественник, которого он открыто недолюбливал и хотел бы убрать с глаз долой. В это раз он принял его учтиво, но холодно, и даже не вставая.

– Рановато пришли, майор. Полагаю, что должен иметь удовольствие узнать, что прапорщик Хистер с самого утра отправился в путь, в соответствии с указаниями, и ваш родительский инстинкт звал вас уехать с ним вместе. Должен сказать, что удивлен тем, что вы не отправились с ним вместе. Полагаю, что вы ждете возможности отплыть на шхуне, потому что это более комфортабельно. С своей стороны я предпочел бы отправиться на каноэ, но полагаю, что в вашем возрасте..

– Солдат никогда не бывает старым настолько, чтобы забыть свой долг, майор Глэдуин, – холодно прервал его старый майор. – И я могу вам сказать, что только сильное чувство долга заставило меня оказаться там, где присутствие мое совершенно очевидно является нежелатель-

ным. Но я не собираюсь прерывать ваш завтрак, чтобы переходить на личности. Я хочу поделиться с вами сведениями, которые недавно узнал, и которые касаются брожения среди индейцев, которые, как вам должно быть известно, собрались вокруг форта в огромном количестве. Они обрезают стволы своих ружей, чтобы они стали такой длины, чтобы их можно было спрятать под одеялом. Это сообщил мне Сент-Обин, жена которого, посетив вчера поселок оттава, обнаружила все эти приготовления.

– Интересное, должно быть, зрелище, – безразличным тоном ответил Глэдуин, – но не понимаю, какой мне в этом может быть интерес. Должно быть, эти каналы решили, что стрельба из ружей с короткими стволами столь же, или почти столь же, эффективна, как из ружей с длинными, и мудро решили избавиться от лишнего веса. Клянусь Юпитером, Хистер, я не раз веселился, глядя на хитрость наших торговцев, которые продавали краснокожим ружья за такое количество шкур бобра или выдры, которое будет уложено в стопку высотой от приклада до дула ружья, и каждый год длина ствола у этих ружей увеличивалась. Хитро, не так ли?

– Рано или поздно эти хитрости падут на наши головы, – горячо ответил майор. – Но будет это не здесь и не там. Вопрос в другом – нападут ли индейцы или нет, готов ли форт отразить это нападение, если оно случится?

– Если только это случится, дорогой сэр, я буду только рад разнообразить монотонное течение жизни в этом богом забытом месте. Что же до приготовлений, то вам ли не знать, что войска его любезнейшего величества короля Англии всегда готовы встретить любое количество голых дикарей, когда бы оно не произошло.

– Так думал и Брэддок, – угрюмо ответил майор Хистер, – и за это он заплатил своей жизнью. Но, помимо того, что мы готовы отбить атаку, готовы ли мы к осаде?

– Оставьте, майор! – воскликнул Глэдуин, заметно раздражаясь, – этот вопрос скорее говорит о чьей-то наивности. Разве можно ожидать от толпы вопящих дикарей, что они смогут организовать осаду? Никто лучше вас не знает, что их способ вести войну – внезапно напасть, с воплями и выстрелами, и так же быстро исчезнуть. Они совершенно неспособны на длительные усилия.

– Вы знакомы с Понтиаком, нынешним военным вождем объединенных племен? – холодно спросил майор Хистер.

– Ну разумеется, и это самый самодовольный, невежественный, хвастливый, коварный, трусливый и совершенно никудышный представитель краснокожих из тех, кого я встречал. Я все время пытаюсь убрать его из этой части страны, и, если он будет упорствовать и останется здесь, где он так мало нужен, мне придется преподать ему урок.

– Очень хорошо, майор, если то, что вы сказали, соответствует существующему положению дел. Я ничего более не скажу, чтобы не портить вам такое прекрасное утро, – ответил старый офицер, поворачиваясь, чтобы уйти. – Все же, – добавил он, – я считаю своим долгом сообщать вам все сведения, которые ко мне попадут.

– Весьма благодарен, но все же прошу вас не затрудняться, – сухо ответил Глэдуин, и на этом беседа завершилась.

Тем же вечером, когда западный небосклон еще тускло светился, хотя ночные тени уже объяли форт и его окрестности, майор Хистер прошел мимо караула, охранявшего одни из ворот, и медленно пошел, словно бесцельно прогуливаясь, к церкви франко-канадцев. Подойдя к ней, он заметил в ее тени смутную фигуру и тихо спросил:

– Это вы, Сент-Обин?

– Нет, мсье, – ответил девичий голос, – я его дочь, и пришла сюда, потому что его задержала компания. Он попросил меня передать вам сообщение и сразу поторопится назад.

Тут девушка прошептала ему в ухо несколько слов, после которых он невольно стиснул зубы и внутри у него все напряглось. Едва она закончила, как со стороны форта послышался звук шагов, заставивший ее отскочить в сторону и умчаться с быстротой оленя.

– Кто идет? – спросил майор Хистер.

– Прошу прощения, майор, – ответил хорошо ему знакомый голос коменданта. – Не хотел помешать вашему *tête-à-tête*. Не думал, что вы ходите на такие свидания.

– Это случится, майор, – жестко прервал его тот. – Только что я узнал. Что завтра Понтиак, с шестьюдесятью воинами, у всех из которых будут ружья, спрятанные под одеялами, потребуют вас на совет. Вождь произнесет речь, в конце которой преподнесет вам пояс с вампумом. Когда вы возьмете этот пояс, это станет сигналом к началу расправы над всеми англичанами за пределами форта Детройт, кроме тех, кому вождь подарил свой калюмет⁵.

– Вы верите в эту чушь, Хистер? – спросил удивленный комендант.

– Прямо сейчас происходит танец войны, – был ответ. – Прислушайтесь!

В этот момент дуновение ночного ветра донесло до них далекий грохот военных барабанов и дикие крики, что было знаком того, что разъяренные дикари Понтиака объявляют войну ненавистным англичанам.

– Клянусь небесами, Хистер! Я верю в вашу правоту! – воскликнул Глэдуин, услышав все это. Во всяком случае я приму во внимание ваше предупреждение и сделаю все приготовления, чтобы показать этим дьяволам, что врасплох они нас не застанут.

ГЛАВА X

ПОНТИАК ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ

Хотя Глэдуин приказал, чтобы в эту ночь половина его солдат была под ружьем и удвоил караулы, ничто не потревожило поселения. Утром, когда поднялось солнце и разогнало туман над поверхностью воды, все увидели флотилию индейских каноэ, приближавшихся с восточного берега. Они причалили немного выше форта, и скоро обширный пустырь за ним оживился присутствием сотен индейцев. Там были величавые воины, покрытые раскраской и одетые в одеяла, юноши, одетые только в набедренные повязки, словно они собирались играть в мяч, девушки, чьи щеки были накрашены кармином, одетые в платья из оленьей кожи, украшенные вышивкой и бахромой, и голые дети, шаловливые как щенки. Если не обращать внимания на хмурые лица и очевидно дурное настроение воинов, а также их медленное, но заметное движение к главным воротам форта, ничто не вызывало подозрений и не указывало прямо на то, что эти гости испытывают нечто иное, чем дружественные чувства по отношению к белым.

Понтиак сообщил майору Глэдуину, что хочет пригласить его на совет, и около десяти часов индейский вождь и около шестидесяти его приближенных стали единой группой приближаться к форту со стороны моста через Пэрентс Крик, что был в полутора милях к северу от форта. Когда они приблизились к большим воротам, стало заметно, что, несмотря на жару, все воины до подбородка завернулись в свои яркие разноцветные одеяла. Лица всех их были раскрашены полосами цвета охры, алого, белого или черного цвета, а их скальповые пряди были украшены перьями орлов, ястребов или индюков, что указывало на их титул или военные заслуги.

Когда широкие ворота широко распахнулись, чтобы принять эту процессию, они вошли в форт величественной поступью и в полном молчании, ведомые могучим вождем, который, с гордо поднятой головой и сверкающими глазами, каждым своим дюймом выглядел как король леса. Внезапно он остановился, издав удивленное восклицание, и наполовину повернулся, словно собираясь уходить. По обеим сторонам улица, которая вела к дому, в котором происходили советы, стояли в неподвижных линиях солдаты в красных мундирах. Штыка над их головами сверкали в солнечных лучах. Все дома за ними были заперты, а на углах улиц стояли группами крепкие мехоторговцы, окруженные своими полудикими работниками, и все были вооружены до зубов. От этих неподвижных фигур веяло суровой решимостью, хотя ни один звук не нарушал тишину, кроме стука невидимого барабана.

Не стоило удивляться тому, что Понтиак пошел дальше. Одного взгляда хватило ему, чтобы понять, что его выдали и его план более не тайна. Все же замешательство его было моментальным и почти незаметным, когда он пошел дальше к дому для советов, который стоял у самого края воды, в дальнем конце поселения. Пока процессия свирепых воинов, раздетых в лучшие по понятием дикарей наряды, медленно шли вниз по улице, испуганные лица смотрели на них из-за полуприкрытых ставень, а тем временем монотонный бой барабана становился все более напряженным, словно готовясь сорваться в яростную дробь «в атаку!».

В доме для советов индейцы обнаружили Глэдуина и его офицеров, которые сидели полукругом и ожидали их прибытия. Они сразу заметили, что все офицеры, помимо того, что были одеты строго по форме, имели при себе сабли и перевязи с пистолетами. Получив дополнительное свидетельство того, что его план раскрыт, а сами они оказались во власти врагов, воины обменялись угрюмыми взглядами, и, казалось, что им больше хотелось броситься к двери, чем усесться на приготовленных для них циновках.

– Почему, – спросил Понтиак, – я видел так много молодых людей моего белого брата, стоявших на улице с ружьями в руках?

Глэдуин ответил, что для его солдат это обычное дело – они каждый день упражняются с оружием.

Когда индейцы, наконец, расселись, один из них набил, зажег и протянул Понтиаку его большой калюмет. Его чашечка из красного камня, вырезанная с редким умением, вмещала четверть фунта табака, а длинный чубук был украшен кусочками перламутровых раковин, помимо резьбы и перьев. После того как каждый, присутствовавший на совете белый или краснокожий, начиная с Глэдуина, не спеша сделал затяжку из этого огромного калюмета и он вернулся к Понтиаку, тот поднялся и сказал:

– В знак мира, который, как хотелось бы мне, должен быть вечным между краснокожим и его белым братом, я дарю эту трубку друзьям, которые смогут хранить ее вечно. Это должно быть услышано с открытыми ушами: я вручаю ее заботе старшего среди вас, белые волосы которого говорят о его мудрости и долгих годах прожитой жизни.

Сказав это, вождь шагнул вперед и положил огромный калюмет на колени майора Хистера, и за его спиной послышался одобрительный ропот. Глэдуин, который единственный из всех собравшихся белых знал значение этого поступка, бросил подозрительный взгляд на старого солдата, которому теперь единственному из собравшихся не грозила смерть, в то время как сам получивший подарок явно был в недоумении.

Но сейчас внимание всех собравшихся было занято другим. Держа в руках прекрасный пояс из вампума, Понтиак теперь обращался к Глэдуину столь же красноречиво. Он перечислил все обиды, которые причинили его народу англичане, особенно мехоторговцы. Он просил защиты от них. Говорил он около часа, и все это время за каждым его жестом пристально наблюдали английские офицеры, боявшиеся, что, несмотря на все предосторожности он в отчаянии может сделать что-то неожиданное.

Понтиак был в двусмысленном положении. Было обычным делом в завершение речи преподнести пояс с вампумом тому, от кого он ждал ответа. Отказ от этого означал формальное объявление войны. Было понятно, что те, кто пришел с ним, набросятся на англичан в тот момент, когда он это сделает, и он не имел возможности предотвратить то, что было говорено. Поэтому великий вождь колебался, держа этот роковой пояс, а потом сделал движение, словно желая оставить его себе. Глэдуин протянул руку. Когда он это сделал, в проходе в нижней части зала раздались хлопки множества ладоней и оглушительный грохот барабанов.

Понтиак вздрогнул, уронил пояс с вампумом, сунул руку под одеяло, словно желая достать оружие, но передумал и, сложив руки, неподвижно замер. В то же мгновение все стихло, и Глэдуин встал, чтобы обратиться к совету, словно ничего не случилось.

Он сказал индейцам, что разберет их жалобы и сделает все, что в его силах, чтобы защитить их, если они этого заслуживают. В то же время он предупредил их о том, как жестоко они будут наказаны, если ответят прямой враждой на причиненные им обиды. На этом совет завершился, и вождям было разрешено покинуть форт. Прежде чем уйти, Понтиак сказал английскому коменданту, что через несколько дней он снова придет, чтобы поговорить; на это Глэдуин с презрением отвернулся, не удостоив вождя ответом.

Два дня спустя пустыря рядом с фортом снова был полон индейцев, представителей четырех племен, и снова Понтиан приблизился к воротам, выйдя из толпы. На него наставили ружья, и, когда он попросил разрешения войти, Глэдуин лично велел ему убираться и сказал, что ему самому и всем его мерзавцам отныне вход запрещен.

Взбешенный от ярости вождь ушел и приказал своим воинам отойти за пределы дальности стрельбы, но при этом следить, чтобы ни один англичанин не покинул форт. Потом, сев в каное, он пересек реку, добрался до своего поселения и приказал перенести его на западный берег.

Пока он был занят этим, его разъяренные последователи успели убить и оскальпировать две английские семьи, жившие вдали от форта. Той ночью жители Детройта, вооруженные и бодрствовавшие, с беспокойством прислушивались к печальным звукам танца скальпа, перемежавшихся с воплями танца войны, готовясь продать свои жизни как можно дороже и прикидывая, как долго их слабые укрепления смогут сопротивляться той силе, которая в любой момент готова на них обрушиться.

Утро застало многих из них, измученных ночным бдением, спящими на своих постах. Внезапно военный клич, от которого стыла кровь в жилах, раздался сразу со всех сторон, на палисад обрушилась туча пуль и со всех сторон к нему ринулись толпы вопящих обнаженных фигур. Казалось, что эта атака непременно увенчается успехом, потому что нападавших были сотни, а защитников – горсть.

ГЛАВА XI

МАЙОР ХИСТЕР ВЗЯТ В ПЛЕН

Несмотря на кажущуюся ярость атаки и ожидания защитников, что этот натиск сейчас сметет их слабые укрепления, ничего подобного в планы индейцев не входило. У них не было опыта подобных войны, и, когда они поняли, что Глэдуин не намерен сдаваться при первой же столь шумной демонстрации силы, то рассеялись и открыли огонь по защитникам форта, прячась за сараями, заборами, кустами, неровностями земли и любыми предметами размера, достаточного для того, чтобы служить укрытием от ответного огня солдат. Одна из групп строений, находившаяся на расстоянии половины полета пули от форта, послужила укрытием для группы индейцев, которые с этой выгодной позиции обстреливали амбразуры в палисаде. Этим огнем несколько защитников были ранены, пока, наконец, к этому месту не доставили пушку, в дуло которой зарядили несколько докрасна раскаленных кусков железа. Минутой позже ее ответный огонь обрушился на строения, и прятавшиеся в них дикари вынуждены были убежать, и бегство их сопровождалось торжествующими криками и выстрелами солдат.

Шесть часов продолжалась эта карикатура на сражение. Потом огонь индейцев стал реже и наконец совсем стих. Решив, что все произошедшее – всего лишь затея нескольких горячих голов из числа дикарей, Глэдуин решил воспользоваться этим затишьем и послал двух канадцев под белым флагом, чтобы те выяснили причины происшедшего. Одновременно, пока шли переговоры, он предложил запасти провизию на случай осады.

Пока ворота были открыты в ожидании возвращения послов, большая часть канадцев из форта воспользовалась возможностью покинуть его, оправдываясь тем, что им тяжело будет смотреть на то, как убивают их английских друзей.

Скоро посланцы Глэдуина вернулись, сообщив, что Понтиак готов к переговорам, но говорить он будет только с майором Хистером, и дал понять, что очень хочет встречи с этим офицером.

– Вернись и передай ему, что я увижу на виселице его и всю его трусливую банду, прежде чем доверю его вероломству жизнь хоть одного англичанина! – гневно воскликнул комендант.

– Постой, Глэдуин! – возразил майор Хистер. – Лучше рискнуть одной жизнью, чем подвергать опасности всех. К тому же я не думаю, что мне грозит серьезная опасность. Я много общался с индейцами, и до сих пор считал этого Понтиака вполне здравомыслящим.

– Я забыл. Он же подарил тебе калюмет, – ответил тот многозначительно.

– Вы на что намекаете? – начал майор Хистер с гневным блеском в глазах.

– Нет, Хистер. Нет, ни на что. Мне стыдно, я очень виноват! – крикнул Глэдуин. – Если вы так настаиваете, можете предать себя в руки этих дикарей. Я буду знать, что вы сделали это только из чувства долга, что полностью осознавали, что рискуете жизнью, и при этом проявили отвагу, которую я ни в ком другом не встречал.

– Благодарю вас, Глэдуин. Это были слова настоящего солдата. Я возьму на себя эту миссию, потому что мой долг сделать это. Если я не вернусь, то смею надеяться на то, что вы не оставите своей заботой моих детей, заменив им отца.

Старого солдата, одетого по полной форме, проводили к воротам все офицеры форта. Там каждый из них пожал ему руку, пожелал удачи и попрощался, а солдаты, выстроившиеся в линию, салютовали ему, когда он выходил из ворот.

С майором шли два пожилых канадца, которые ходили на переговоры в первый раз, и этот маленький отряд не прошел и половины пути от форта к Пэрентс Крик, за которым находился поселок оттава, когда их встретил другой канадец, тяжело дышавший после долгого бега. Он умолял их вернуться, говоря, что только что он прошел через поселок индейцев и то, что он там видел и слышал, убедило его в том, что ни один англичанин, ступивший в его пределы, живым оттуда не выйдет. Но майор Хистер отказался повернуть и настаивал на том, что до конца выполнит свою миссию.

Наконец они пересекли ручей, поднялись на увал за ним и увидели раскинувшийся на другом склоне самое большое индейское селение, какое только можно было увидеть в тех местах. Едва ненавистная английская форма была замечена обитателями множества хижин, как сотни их сбежались к парламентарам – мужчины с хмурыми лицами, женщины и дети, державшие в руках камни, палки и дубинки, прихваченные на бегу. На мгновение сердце старого солдата дрогнуло – он представил себя жертвой гнева этой толпы.

В то же время никаких чувств не отразилось на его лице, и он, спокойно сложив рука, выступил на шаг или два перед своими компаньонами и спокойно смотрел на толпу вопящих дикарей. В следующий момент они бы набросились на него, но тут величественная фигура Понтиака вышла из толпы, и при одном звуке его могучего голоса все разбежались, словно стая испуганных собак. Шум сразу прекратился. В наступившей тишине вождь учтиво приветствовал английского офицера, пожал ему руку и пригласил в селение.

Селение оттава представляло собой беспорядочное скопление конической формы хижин, сделанных из тонких жердей, покрытых большими кусками коры или перекрывающимися друг друга циновками, сплетенными так плотно, что могли служить защитой от дождя. Сотни красивых каноэ, сделанных из бересты, в чем так искусны были северные племена, были вытаснены на берег реки; рядом с хижинами лежали копья и весла, закопченные котлы и другая грубая кухонная утварь лежала рядом с тлеющими кострами, а лай крупных собак, похожих на волков, смешивался с детскими криками.

В хижине для советов, выделявшейся своими размерами, майору Хистеру предложили сесть на одну из разложенных в круг циновок. Когда он занял свое место, остальные циновки, как и каждый дюйм, на котором можно было стоять, были заняты множеством воинов, у входа толпились другие, и все они бросали на англичанина неприязненные взгляды.

Когда закончилась скучная церемония выкуривания трубки мира, Понтиак произнес небольшую приветственную речь, на которую ответил майор. Он спросил, в чем причина утреннего происшествия, и предположил, что индейцы, чьи жалобы должны быть удовлетворены, сами накажут тех, из-за кого произошли все эти убийства накануне.

Завершив речь, майор снова занял свое место, и на настала долгая тишина. Наконец, желая узнать самое плохое без дальнейших проволочек, он снова поднялся и сказал, что, раз ответа на его вопросы не будет, он должен вернуться в форт и сказать белому вождю о том, что его красные братья желают не мира, но войны.

На это Понтиак знаком велел ему снова сесть, и, повернувшись к двум канадцам, сказал:

– Идите в форт и скажите майору Глэдуину, что белоголовый вождь будет ночевать в хижинах его краснокожих братьев. Скажи ему, что сегодня вырыт топор войны, и он не будет зарыт, пока англичане остаются на земле алгонкинов. Скажи ему, что все форты от Гремящей Воды до Великой реки сегодня были уничтожены, так что помощь к нему не придет. Скажи ему, что солдаты французского короля готовы бок о бок сражаться со своими краснокожими братьями. Скажи ему, что он сейчас может уйти, уйти с миром, но, если он останется там до следующего заката, лесные волки разорвут теля его солдат в красных мундирах, а их скальпы в это время будут сушиться в хижинах оттава. Идите, Понтиак все сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.